МИР 30.07.2020 | Дани Родрик

Экономическое пугало?

США и Европе нужно строить более производительную экономику у себя дома, а не пытаться подорвать экономический прогресс Китая

Когда COVID-19 перекинулся из Китая в Европу, а затем в США, страны, пострадавшие от пандемии, начали лихорадочно бороться за поставки товаров медицинского назначения: маски, вентиляторы, защитную одежду. Чаще всего им приходилось обращаться за этим к Китаю.

К моменту начала кризиса Китай стал крупнейшим в мире поставщиком ключевых товаров, на его долю приходилась половина всего европейского и американского импорта средств индивидуальной защиты. «Китай заложил основу для своего последующего многолетнего доминирования на рынке средств защиты и медицинских товаров», — говорится в недавнем сообщении New York Times.

Когда Китай впервые обратился к мировым рынкам, он имел преимущество в виде практически неограниченного количества дешевой рабочей силы. Но, как признают теперь все, производственная мощь Китая не является результатом действия неконтролируемых рыночных сил.

В соответствии с политикой «Сделано в Китае — 2025», правительство Поднебесной нацелено на серьезное увеличение доли своих производителей в мировых поставках медицинского оборудования. В сообщении New York Times подробно объясняется, как власти предоставляли дешевую землю китайским фабрикам, ссужали субсидированными кредитами, давали указания государственным компаниям производить ключевые материалы и стимулировали внутренние цепочки поставок, требуя от больниц и фирм использовать местную продукцию.

Например, Сычуань, вторая по величине провинция Китая, сократила вдвое количество категорий, для которых разрешен импорт медицинского оборудования. Большинство больниц были

обязаны получать все из местных источников, и только ведущие больницы имели право на поставки из-за рубежа.

Западные СМИ теперь изобилуют сообщениями о «стремлении Китая доминировать над важными шестеренками глобальной промышленной машины» — цитата из той же New York Times. Роль Китая в мировой экономике все чаще описывается терминами, напоминающими не о doux commerce, а об имперской агрессии. Растущий авторитаризм председателя КНР Си Цзиньпина и эскалация торговых конфликтов с США, очевидно, также подыгрывают этому нарративу.

Стратегическая и геополитическая напряженность между США и Китаем — это реальность. Она основана на растущей экономической и военной мощи Китая и нежелании властей США признать реальность неизбежно многополярного мира. Но мы не должны позволять экономике становиться заложницей геополитики или, что еще хуже, подогревать и усиливать стратегическое соперничество.

Для начала, мы должны признать, что смешанная, управляемая государством экономическая модель всегда лежала в основе китайских экономических успехов. Если половина экономического чуда Китая обусловлена его переходом на рыночные рельсы с конца 1970-х, то другая половина является результатом активной государственной политики, защищавшей старые экономические структуры — такие как государственные предприятия — в период, когда с помощью многочисленных инструментов промышленной политики создавались новые отрасли.

Конечно же, основную пользу от этого получили сами китайцы, пережившие стремительнейший в истории подъем уровня жизни. Но это было достигнуто отнюдь не за счет остального мира. Именно политика роста, которая сегодня вызывает раздражение у других стран, является причиной превращения Китая в такой крупный рынок для западных экспортеров и инвесторов.

Но разве китайская промышленная политика — например, по товарам медицинского назначения — не является несправедливой по отношению к иностранным конкурентам?

Мы должны проявить осторожность, прежде чем выносить такой приговор. Стандартное обоснование промышленной политики состоит в том, что новые отрасли вызывают побочные эффекты обучения, технологические последствия и приносят другие общесоциальные выгоды, что делает желательной поддержку

государства. Но многие западные экономисты полагают, что государство не очень сильно по части правильного выбора отраслей, заслуживающих поддержки, и что основная часть затрат при этом ложится на плечи потребителей и налогоплательщиков внутри страны. Другими словами, если бы китайская промышленная политика была ошибочной и проводилась не в том направлении, то в результате пострадала бы собственная экономика Китая.

По той же логике, если китайские политики де-факто ориентировались на действия, в которых выгоды социальные превосходят выгоды частных лиц, обеспечивая улучшение экономических показателей, тогда непонятно, на что жаловаться иностранцам. Это то, что экономисты называют «исправлением недостатков рынка». С точки зрения внешнего наблюдателя, чинить препятствия китайскому правительству в проведении такой политики все равно что мешать конкуренту освободить свои рынки.

Это особенно верно, когда под «внешним» понимается весь остальной мир, как в случае с изменением климата. Китайские субсидии на солнечные батареи и ветряные турбины привели к снижению стоимости возобновляемой энергии — а это огромная выгода для остального мира.

Экономическая сторона промышленной политики может усложниться при наличии монополий и фирм, доминирующих на рынке. В промышленной политике могут быть обоснованные ограничения, если она дает тем самым возможность доминировать на рынке за счет остального мира.

Но китайских производителей редко обвиняют в завышении цен, что является признаком доминирования на рынке. Чаще всего содержание жалоб противоположно. Так что эти соображения, вероятно, в большей степени относятся к американским и европейским фирмам, часто играющим ведущую роль на высокотехнологичных рынках.

Ничто из этого не является аргументом в пользу того, чтобы другие страны сидели сложа руки, пока Китай захватывает все более сложные производственные отрасли. США, например, имеют долгую история успешной промышленной политики, особенно в области оборонных технологий. В настоящее время в политическом спектре США существует единое мнение, что стране нужна более четкая промышленная политика, ориентированная на хорошие рабочие места, инновации и зеленую экономику. Законопроект, выдвинутый лидером демократической фракции Сената США

Чаком Шумером, предполагает выделение на новые технологии 100 миллиардов долларов в течение следующих пяти лет.

Новый импульс для промышленной политики в США и Европе во многом мотивируется предполагаемой китайской «угрозой». Но экономические соображения указывают на то, что это неправильный акцент. Потребности и инструменты находятся в сфере внутренней политики. Цель должна состоять в том, чтобы построить более производительную, более инклюзивную экономику у себя дома, а не просто победить Китай или попытаться подорвать его экономический прогресс.

(c) Project Syndicate

Дани Родрик
Кембридж

Д-р Дани Родрик (Dani Rodrik) - профессор международной политэкономии в Школе управления Гарвардского университета имени Джона Ф. Кеннеди, является автором книги Straight Talk on Trade: Ideas for a Sane World Economy.